

Эти ребята никогда не будут лабухами

Олег БУЛДАКОВ

Создавать новый симфонический оркестр в стране, где народная примета гласит: «Если с утра по радио передают классику, значит, кто-то помер, а если по телевизору показывают «Лебединое озеро» — это к пущу», — дело почти что безрассудное. Известный скрипач и дирижер **Марк ГОРЕНШТЕЙН** не разделяет эту точку зрения. Три года назад, бросив престижную работу за рубежом, он вернулся в Москву, и в ноябре 1993-го состоялась презентация Государственного молодежного симфонического оркестра «Молодая Россия».

— Марк Борисович, свой третий сезон ваш оркестр начинает под новым названием — Российский государственный симфонический оркестр. Куда подевалось слово «молодежный» и почему вы отказались от имени «Молодая Россия»? Неужто оркестр так постарел?

— Конечно. Люди с годами, увы, не становятся моложе. Не увольнять же их за это из оркестра! Легче сменить «вывеску». К тому же я замучился объяснять, что сие название означает. Если в нашей стране почти у каждого человека сразу возникает ассоциация: «Молодая Россия» — «Россия молодая», то на Западе оно абсолютно не воспринимается в его символическом смысле. Там слово «молодежный» всего лишь указывает на класс оркестра и означает «любительский», «самодеятельный», «не в полной мере профессиональный». А мы сегодня уже играем на хорошем профессиональном уровне.

— Тем не менее, когда создавался ваш коллектив, набирали в него именно молодежь. И сейчас в оркестре играют в основном студенты и аспиранты Консерватории, Гнесинки, Еврейской академии, средний возраст которых 24 года.

— Да, ставка была сделана на молодых людей, которые до того никогда в оркестре не играли и не имели никакого опыта оркестровой деятельности.

— Почему?
— Я хотел, чтобы в моем оркестре музыканты играли так, как это представляю себе я, только я и никто другой. Чтобы люди в нем не были «испорчены традициями». Ведь от прошлого опыта никуда не денешься, он остается. Мне же хотелось самому воспитать свой оркестр — с самых первых его шагов.

— Начало было трудным?
— В первый конкурс мы даже не смогли набрать нужное количество музыкантов. Обнаружилось, что выбор исполнителей, особенно струнников, весьма ограничен. Причем не только в Москве, но и во всей России.

— Последующие конкурсы были более удачными?

— О чем вы говорите, какие конкурсы! Это раньше были конкурсы — 60 человек на место, а сейчас на 60 мест один человек... Впрочем, мне грех жаловаться: в последнее время положение с «кадрами» у нас в оркестре более-менее стабилизировалось.

— У вас, наверное, самый репертуарный оркестр в Москве. За неполных три года подготовлено двадцать программ и при этом — ни одного повтора!

— Такая задача была поставлена изначально: каждый концерт играть новую программу. И мы ее выполнили на 99 процентов. Потому что один повтор все-таки был — сыграли «на бис» Вторую симфонию Рахманинова.

— Вы еще и невероятное за такой небольшой срок количество дисков сумели записать.

— Да, где-то около десятка. Три уже вышли, три вот-вот выйдут. В ближайшее время запишем еще пять дисков, а то и шесть. Очень плодотворно сотрудничаем с американской фирмой «Rough music». Будем записывать диск для российско-французской фирмы «Русский сезон». Уже третий диск будем делать с японской фирмой «Meldak». К сожалению, совсем не работаем с «отечественными» фирмами — их такая музыка не интересует. К тому же наши фирмы не в состоянии заплатить за работу столько, сколько она стоит. А ведь для нас запись — это ко всему прочему еще и возможность дополнительного заработка. При нашей-то зарплате в 200 тысяч рублей...

— А спонсоры? Ведь у вас есть спонсоры!

— Спонсоры-то есть. Но у них тоже пока больше желания помочь, чем возможностей. Хотя и за то, что они нам дают, я им очень благодарен.

— Если не секрет, в какую сумму нынче обходится содержание оркестра?

— По нашим реалиям, чтобы оркестр существовал, нужно примерно 30 тысяч долларов в месяц. Где взять такие деньги государственно-му «предприятию»? Про частные оркестры не говорю — там совсем другое положение.

— Скажите честно, вам ни разу не хотелось оставить всю эту затею и куда-нибудь уйти или уехать?

— Бывает, конечно, что и скажешь сторяча: да пропади оно пропадом! Но, понимаете, у меня это в характере: если я что-то делаю — делаю до конца. К тому же я ответствен перед ребятами, которых увлек своей идеей. У меня за это время было достаточно интересных и выгодных предложений, в том числе из-за рубежа, но я отказываюсь. Пока отказываюсь. Потому что мне очень хочется довести свой оркестр до задуманного, запланированного уровня. Тем более что, с моей точки зрения, этот коллектив — самый перспективный из всех существующих сегодня в России. Если, конечно, удастся сохранить оркестр — а я чем дальше, тем больше убеждаюсь, что создать было легче, чем сохранить. Увы, о будущем думать хотят далеко не все. Я лично тем людям, которые у нас бизнесом занимаются, всегда говорю: знаете, дорогие друзья, вот вы сейчас очень богаты, у вас все есть — квартиры, машины, дачи, счета в банках, вы миллионы на ветер выбрасываете — конечно, Канары поважнее, чем какая-то культура! Но потом, лет этак через двадцать, ваши же дети — вдруг! — захотят пойти в консерваторию. Но там уже нечего будет слушать, потому что никого не останется.

— Я не знаю, чем надо обладать, чтобы продолжать заниматься музыкой в России. При нашем «прожиточном минимуме» и вашей зарплате. Однако ваши ребята из оркестра не бегут. Хотя нагрузка у них колоссальная: они же еще учиться должны, экзамены сдавать! Слышали мнение: чтобы работать у Горенштейна, надо быть самоубийцей?

— Видите ли, им интересно! Они же понимают, что мы занимаемся настоящим искусством, что только так можно получить профессию, достигнуть высокого уровня мастерства. Хотя иногда и слышится ропот: вот, мол, кто-то там за границу съездил и столько-то заработал... Они же маленькие еще, им тоже всего хочется! Но я объясняю: все, что наш оркестр переживает сейчас, временно. Это трудности становления, роста. Вот достигнем хай-класса, сделаем на тех же дисках себе имя за рубежом — тогда и у нас все будет. И гастроли, и деньги. Сразу все не приходит, необходимо время, чтобы до этого доучиться, дорасти, доиграть...

— С вашим оркестром сотрудничают самые известные наши исполнители — Виктор Третьяков, Николай Петров, Владимир Крайнев и многие другие. Но в то же время вы постоянно обращаете свой взор на совсем юных музыкантов — работали с Сашей Гиндиным, Ильей Коноваловым, Виолеттой Егоровой, Димой Прокофьевым...

— Возраст — не самое главное. Если ребенок по-настоящему талантлив, ему надо дать шанс. Шанс проявить себя, сыграв с большим оркестром в престижном зале. К сожалению, у меня не так много времени, чтобы заниматься с одаренными детьми, но оказывать им поддержку я буду и впредь.

— В начале сентября Большой зал консерватории открыл новый сезон. Чем порадует, чем удивит в этом сезоне любителей музыки ваш оркестр?

— 21 октября у нас очень ответственный концерт: с оркестром выступит Мстислав Ростропович, причем и в качестве солиста, и в качестве дирижера. Концерт благотворительный — все средства от него пойдут на восстановление храма Христа Спасителя.

А дальше начнутся так называемые «абонементные» концерты. Как и прежде, у нас совершенно новая программа, в которую войдут симфоническая поэма «Жизнь героя» Рихарда Штрауса, Вторая симфония и «Поэма экстаза» Скрябина, Пятая симфония Шостаковича, Восьмая («Неоконченная») симфония Шуберта.

Я считаю, что есть два пути воспитания оркестра. Можно начать, допустим, с Гайдна, потом взять Моцарта, потом подобраться к Бетховену, наконец, лет через двадцать, можно и Малера сыграть. У меня другая система: я сразу ставлю перед музыкантами сложнейшую задачу и добавляю ее безупречного выполнения. Таким образом, они каждый раз поднимаются на новую ступеньку.

Беседовала
Ирина ОРЕХОВА